АНАСТАСИЯ ЗИЛЬБЕРМАН

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ

ЧАСТЬ 4

Анастасия Зильберман

Экзистенциальные рассказы 4

«Автор»
2026

Зильберман А.

Экзистенциальные рассказы 4 / А. Зильберман — «Автор», 2026

В моменты, когда мир кажется холодным И неприветливым, внутри нас зарождается невидимая сила. Даже если судьба преподносит суровые испытания, это лишь повод для глубокого внутреннего обновления. Мы обретаем способность переосмыслить пройденный путь и взглянуть на привычные вещи совершенно иначе. Подобное внутреннее возрождение позволяет с надеждой встречать каждый новый рассвет. Важно помнить, что любые трудности ведут к.обретению невероятной мудрости и истинной внутренней свободы.Жизнь представляет собой нечто гораздо большее, чем просто сетования на свою судьбу. Наша истинная задача заключается в том, чтобы научиться не страданию, а глубокому состраданию к окружающим. Каждый прожитый день открывает перед нами новые возможности для проявления доброты и сердечного участия. Принятие этого пути помогает обрести внутреннюю гармонию и сделать мир немного светлее. Пусть каждое осознанное действие станет отражением нашей искренней заботы о других людях.

© Зильберман А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Анастасия Зильберман 5
ПЁС 6
ДОМ НЕСБЫВШИХСЯ НАДЕЖД 20
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Анастасия Зильберман
Экзистенциальные рассказы 4

Анастасия Зильберман

Экзистенциальные рассказы. Часть 4.

Сборник рассказов.

ПЁС

У природы нет плохой погоды…

Мудрость простых слов понимаешь с годами, пройдя долгими путями надежд, встреч, обещаний, разлук. У каждого, наверное, такой путь. Но вряд ли каждый осознает, к чему он пришёл и почему получилось так. Как вышло, так и вышло, черт его знает, отчего. Еще совсем недавно казалось, что все впереди: простор, дороги, горизонты… Но и оглянуться не успел, как все это миновало, как-то само собой, суматошно и бестолково, и пришло время доживать, и нет разницы, что перед тобой, то ли ясный летний день с бездонным небом, то ли ненастье беспросветное. Все твои дни – отзвуки прошлого, и остаток будущего, без сомнений, станет лишь тенью минувшего – и тогда, в самом деле, какая разница, что вокруг тебя: погода, непогода, все едино.

Впрочем, это я отвлёкся.

Да, я тоже не юноша, мягко говоря. И сознаю, что на этом свете мне осталось лет двадцать, плюс-минус. Но у меня каждый день, каждый час, насыщен чувством полноты бытия, в каждом мгновении я стараюсь проживать единство с миром, и потому во всем, что окружает меня, от небосвода до травинки, до легчайшего дуновения ветерка, несущего почти неуловимые запахи дальних пространств, таких разных в разные времена, я чувствую твердый путь моей судьбы, где было много всего, тоже такого разного! Светлого и печального, смешного и поучительного… Ни в коем случае я не живу прошлым, я смотрю в будущее. Но прошлое живёт во мне, оно не стало совсем прошлым, оно окружает меня примерно так же, как всякие день и ночь окружают светом или звездной тьмой, только тоньше, эта незримые, невесомые нити органично вплетены в ткань мироздания…

Такие мысли неспешно струились во мне в тусклый осенний день, мелко моросящий дождём с низкого, сплошь затянутого облачностью неба. Собственно, это и дождём не назовёшь – изморось, суетный рой мельчайших капелек. Под таким роем даже костер горит. Слабовато горит, конечно, почти тлеет, но все же. Осенний костер, горький запах гари, туманные окрестности, негромкий шелест полуоблетевших крон, невидимых в тумане… Осенью вообще как-то звуки обостряются, слышно гораздо больше и отчётливее, чем всегда. Впрочем, я допускаю, что это какая-то моя особенность. Просто мне всякое время по душе по-своему. И к каждому у меня свой подход. Летом – нет лучше распахнутого настежь окна в вечер или в рассвет, зимой – стерильная белизна инея на ветвях и свежевыпавшего снега… Ну, а осень – это вот, сидя на дачной веранде в уютной тёплой одежде, с кружкой горячего чая в руках, глядя на потрескивающий хворостом дымный костёр, вспоминать, думать. Может быть, жалеть о чем-то. Хоть я и убеждаю себя в том, что жалеть о прошлом бессмысленно, да и житейский опыт, не только мой, но общий, так говорит – все равно что-то есть такое, червячок в глубине души, и его не вытравишь ни опытом, ни мудростью… Это совершенно понятно: наше «Я» больше разума, и все не объяснишь, не измеришь. И жаль нам прошлого только в одном, если уж совсем по большому счёту: оно полно разлук с теми, кто никогда больше не будет с нами. Здесь, на этом свете. Что будет на том – разведем руками. Пока так. А здесь расставания, утраты, которые нам хотелось бы отменить, да это не в наших силах... Да. Так вот и живём.

Костёр, угасая, задымил сильней, и чай в кружке почти кончился, напоминая мне о бренности земного. И день потускнел, обещая сумерки через недолгое время – все к тому же… А что мне напоминать? Я и так все помню. Прошлое не прошло.

***

Никогда не пройдут любовь и дружба. Пусть даже тех, кого ты любил, не вернуть до самой твоей смерти. Они с тобой, они в тебе – если ты умеешь любить и дружить. Я, наверное, умею. Не хвалюсь. Просто факты.

Я по профессии философ. Преподаватель вуза. Автор нескольких книг и учебников. Тоже не хвастаюсь. Что есть, то есть. Ну и, надо полагать, что я умею размышлять о жизни, о судьбе, о существе бытия. Тут не моя заслуга, а поколений мудрецов, от Будды, Конфуция, Сократа – и до нашего времени. Им спасибо. Они научили нас правильно смотреть на мир. Видеть его суть за суетой событий, радостей, огорчений, понимать, что все это не просто так, что это не сумбур, а действие закономерностей. Каких? А об этом уже можно говорить особо. Спорить, соглашаться, не соглашаться… Я, например, в чем-то сторонник системы Платона, в чем-то – стоиков. Они не слишком похожи, эти системы, а в чем-то и вовсе несовместимы, однако здравое зерно есть и там, и там.

Впрочем, этот разговор заведёт нас в бескрайние дебри. Скажу попроще.

Платон считал, что все вещи, которые есть в нашем мире, существуют лишь потому, что в них воплощается та или иная идея. Чем она выше, благороднее, значительнее, тем сложнее и красивее объект. Или наоборот: красота какой-то вещи есть подтверждение того, что она воплощает некую значительную идею. Вот, скажем, человек. Конечно, можно спорить, что именно мы воплощаем, но в любом случае разговор будет вращаться вокруг Бога, разума, познания, добра, счастья… В сущности, ведь все это есть разные стороны одного и того же, чего-то огромного и прекрасного, и каждый из нас приходит в мир, чтобы так или иначе привнести сюда какой-то отсвет, отблеск этого прекрасного и огромного. У каждого свой. Именно поэтому человек прекрасен… По крайней мере, должен быть. Мужчина или женщина, каждый по своему, здесь тоже интересные нюансы есть… Впрочем, это отдельный разговор. Да, человек – отражение высочайшего уровня в мире идей. Но есть и благородные идеи рангом пониже, тем не менее, очень достойные. И они находят способ ожить в нашем мире – в облике очаровательных существ, от красоты которых трудно отвести взгляд. Олени, лошади, собаки, кошки… эти создания покоряют наши сердца, мы восхищаемся ими, готовы смотреть и смотреть на них, зачастую простодушно, не отдавая себе отчёта, почему нам так хочется. Просто смотрим и смотрим, и душа радуется.

Но я-то философ. Я не могу смотреть так просто. Надо вникнуть. И я вник: значит, эти творения есть аватары того, что мы обозначаем разными возвышенными словами. Достоинство, честь, грация, воля – разве это не про животных?.. Разных. Если честно, поняв это, я не особо вникал в детали. Мне хватало того, что я понял о собаках.

Вот эти существа – воплощение дружбы и преданности. Это абсолютно точно, я в этом не сомневаюсь ни секунды. Если там, в мире вечных и прекрасных идей Платона данные сущности обитают в какой-то недоступной нам форме, то в мире нашем они обретают вид собаки. Я даже могу сказать, что любимые нами псы настолько разнообразны, настолько непохожи друг на друга именно потому, что оттенки идеи дружбы тоже очень различны. Сложная, многоликая идея – и здесь, в бренном мире, она рассыпана на такие разные, забавные, милые, роскошные, величественные, чудесные живые существа…

В детстве – мне было восемь лет – мама купила мне щеночка. Или нет: «купила» не совсем то, его принес мамин друг детства, когда-то мальчик из их двора, а теперь пьющий неудачник, битый и тертый жизнью, у которого из давно минувшего детства осталась только любовь к животным, и вечно у него, одинокого пьяницы, жили дома всякие собаки, кошки, птички, рыбки и вроде бы даже один ежик… Но это уже из разряда недостоверных воспоминаний – то ли было, то ли не было… Впрочем, и неважно. Так вот, этот тип, дыша похмельным перегаром, явился к нам с крохотным невероятно милым бело-рыжим щеночком:

- Д-дарю! От д-души!..

На букве «д» язык у него почему-то упорно спотыкался.

Несмотря на такой благородный поступок, мама настояла, чтобы гость принял за собачку – это оказалась девочка – пусть символическую, но плату. Немного поломавшись для приличия, собаковод согласился. Не помню сумму, но почти уверен, что она примерно равнялась стоимости недорогой бутылки водки. Сильно подозреваю, что за тем друг детства и приходил, но чувство собственного достоинства помешало просто попросить на опохмел. И он придумал обходной путь.

Как бы там ни было, собачка по кличке почему-то Мальта, а по породе Бог весть кто, скорее всего помесь шпица неизвестно с кем, так и прижилась. Конечно, стала нашей семейной любимицей. Конечно, в ней, как во всякой собачьей душе, жила бескорыстная преданность хозяевам, то есть всем нам и лично мне. В такой крохотной собачонке это выглядело малость потешно, но оно было, оно безраздельно заполняло крохотное сердечко, и уж, разумеется, за это мы ее и любили.

Мальта прожила у нас почти пятнадцать лет, скончавшись от собачьей старости и навсегда поселив во мне любовь и уважение ко всему замечательному пёсьему племени. Ну а философия подвела под эту любовь теоретическую базу. И теперь я совершенно убеждён, что милый нашему глазу собачий облик – не что иное, как запечатлённая на нашем уровне бытия бескорыстная, беззаветная дружба. Идея, обитающая где-то в горних высях вечности, открытой человечеству Платоном.

***

Высоты высотами, философия философией, но не из одного только этого состоит жизнь. Есть на свете отдых, хобби, приятные развлечения, иной раз совершенно вроде бы не вяжущиеся с основной линией жизни. Знавал я коллегу по кафедре – тоже философа, и неплохого – заядлого байкера. Носился по улицам на грохочущем подобии винтажного «Харлея», весь в кожано-заклепочном одеянии, как подобает истинному поклоннику таких чудо-машин… Вот и у меня есть нечто, что вроде бы впрямую никак не припряжёшь к философии, однако я без этого жить не могу.

Это речные прогулки на лодке. Моторной. В одиночестве. Началось это у меня в юности, случайно. Попал в малознакомую компанию – продолжения и не последовало, сегодня я совершенно ничего не знаю об этих людях, они исчезли с горизонта моего бытия, о чем я вовсе не жалею. Но я всегда мысленно благодарю их – они открыли мне мир с такой стороны, о которой я раньше и не подозревал. Понятия не имел, что речные берега, когда ты проносишься мимо них, так прекрасны. Они как будто другие, когда на них смотришь с воды, да еще в движении – они вдруг странно оживают, как волшебная сказка. Наверное, это иллюзия, обман. Один из многих прекраснодушных обманов, на которые жизнь достаточно щедра.

Обман обманом, но я так увлёкся этим самодеятельным туризмом, что разговоры и заботы о типах лодок, катеров, моторов, сортов бензина – все это вошло в мою жизнь прочно и навсегда. Сегодня я в силу возраста редко выбираюсь в подобные экскурсии, но сила традиции есть сила: два-три раза за летний сезон уж обязательно пройдусь по нашим речным просторам… А десять-пятнадцать лет назад я делал это регулярно. Вот тогда это и случилось. То, о чем я хочу рассказать.

Если точно – тринадцать лет назад. Чуть ли не день в день. Числа уже не вспомню, но была примерно такая же осень как сейчас: сезон непогод, дождевых всхлипов, затуманенных окрестностей… Мой старенький лодочный мотор «Ямаха», честно служил мне много лет – старое японское качество не превзойти. Всему, однако, приходит свой срок, вот и «Ямаха» моя приказала долго жить. Пришлось отправиться на поиски чего-либо подержанного, но надёжного. Новый хороший мотор мне все же не по карману.

Так розыск завел меня на окраину. На территорию когда-то дачного, а теперь наполовину жилого товарищества. За много лет хозяева тут понастроили вполне капитальных домов, живут

постоянно, круглогодично, официально. С пропиской. В том числе и продавец мотора. Мне он объяснил так:

- Широкая дорога, с одной стороны обсажена лиственницами. Идете…

- Едете, - поправил я.

- Без разницы! Едете по ней – второй поворот вправо. До упора. И там чуть влево. Не ошибётесь.

Объяснение оказалось доходчивым. Усадьбу продавца я обнаружил без малейшего труда. Она оказалась очень немаленькой – вот именно усадьба, а не приусадебный участок. Обнесена солидной оградой из терракотового цвета профнастила – из-за которой доносился разноголосый энергичный собачий лай.

«Ничего себе, - слегка удивился я. – Какой-то питомник, что ли, у него?..»

И оказался прав. И по всему антуражу, и по беседе выяснилось, что владелец поместья профессионально занимается разведением и продажей собак, имея с того совершенно приличный доход. Разумеется, строго выдерживая критерии пород.

Мы с ним разговорились, я почувствовал, что собачья тема действительно одна из главных в его жизни. Он душевно разгорелся, глаза заблистали, речь полилась ручьём:

- Вот, посмотрите! У меня каждый вольер отведён строго под свою породу. Здесь – глядите! – ретриверы. Вон там, подальше – лабрадоры. А вот тут берн-зенненхунд, это моя слабость. Я вообще-то ко всем своим псам привязан. Иначе бы этим не занимался… А вернее, не так. Нет. Когда начал этим заниматься, думал: ну, бизнес, и ничего личного… Так нет же, личное возникло. Даже не думал об этом, а оно возникло. Но даже на этом фоне берны – это чудо…

И он воспел осанну уму, преданности и дружелюбию собак этой породы. Говорил искренне, и я слушал не без интереса, однако, все же вежливо напомнил, что пришёл сюда не ради кинологической лекции, а для покупки лодочного мотора.

- Ах да, конечно, - спохватился хозяин. – Извините, увлекся…

- Я вас понимаю.

- Да, да, да… Ну что ж, идёмте, посмотрим двигатель.

Мотор хранился в «техническом сарае», как выразился продавец. Соотношение «цена – состояние товара» я мгновенно прикинул, и оно меня устроило.

А владельца поместья и собачьей фермы, по-видимому, более чем устроило моё мгновенное согласие. Предполагаю, что психологически он настраивался на то, что я сейчас начну торговаться, рядиться, выматывать душу… Короче, моё решение его заметно обрадовало.

- Так значит, по рукам?!

- Запросто!

И мы на самом деле скрепили договор рукопожатием. Рассчитался я сразу же наличными, чем вызвал добавочный выплеск позитива в свою сторону.

- Послушайте, - внезапно сказал продавец, пересчитав купюры и сунув их во внутренний карман куртки, – могу я сделать вам небольшой презент? Так сказать, премия в знак приязни?

- Хм? – я приподнял бровь. – Не вникаю. Уточните.

- Очень просто, - улыбнулся он. И разъяснил суть дела.

В последнем помете щенков зенненхунда один получился дефективным. Какой-то неведомый генетический сбой. То есть, сам щеночек совершенно здоровый, более того, самый крупный, весёлый, энергичный среди шести явившихся на свет братишек и сестрёнок. Но… окрас не тот. Выходящий за рамки стандарта породы. В данном бизнесе с этими стандартами все исключительно строго. Чуть ушки не той формы, хвостик не такой, цвета не те – все, не продашь. Гиблый номер. Актив превращается в балласт.

- Вот я и не знаю, что с ним делать, - вздохнул заводчик. – В нашем деле сантиментам места нет. Прибыли он не принесет, а содержать пса просто так… А у меня еще и работники, им надо платить! Суровые законы коммерции, сами понимаете.

Я мысленно вздрогнул. Хозяин не сказал прямо, но намекнул, что на его собачьем ранчо отбракованные особи… ну, я даже не знаю, что за судьба у них. Бизнес! Прибыль! Балласт!.. Да разве можно так про друзей?!..

Но взглянув на лицо предпринимателя – румяное, здоровое, самодовольное – мгновенно решил, что разводить мораль не буду. Не поймёт. В конце концов, он просто живет в своем мире, с какими-то своими измерениями, очень далекими от моих… И я ему не судья.

- Ясно. Вы хотите подарить мне песика?

- В нагрузку! Маленький бонус от фирмы.

- Который через полгода станет большим?

Коммерсант искренне рассмеялся, оценив мой юмор.

- Все точно говорите… Выгодное приобретение!

- Разумно, - ответил я без улыбки. – Ну давайте посмотрим…

Смотреть мне понадобилось примерно полсекунды. Чтобы принять решение. А верней, ничего я не принимал, само оно, это решение накрыло меня, как только я увидел немыслимую «милоту», как выражаются сегодня в интернете. Маленькое лохматое создание глянуло на меня так, словно молча сказало: «Здравствуй! Ты ко мне?.. Я тебя ждал».

Терпеть не могу слова: кобель, сука. Кто их сочинил?.. Можно подумать, что это был какой-то конченый мизантроп, обиженный на весь белый свет: он все же не решился прямо обозвать людей так, и свою угрюмую озлобленность на род человеческий перенёс на собак.

- Мальчик? – спросил я.

- Он самый, - подтвердил хозяин и сожалеюще причмокнул языком: - Вот ведь досада! Всем хорош: крепкий, здоровый, умный. Энергии хоть отбавляй! И вот такой промах!..

Я никакого промаха не увидел: прекрасный милейший пёсик с самым характерным для этой породы окрасом: чёрно-бело-карамельным. Но продавец вмиг разъяснил мне нарушения в этой цветовой гамме, выходящие, к сожалению, за грань требуемого образца.

Какая чушь! – подумал я. Зачем нужны эти дурацкие требования?! Разве самые дворовые дворняги хуже самой распородистой псины?.. Глупее, злее? Нет, они такие же умные, такие же преданные, способные на самую верную дружбу. И при чем тут порода?..

Так думал я, глядя на маленького зенненхунда, а он на меня. Прямо не отрывал глаз, словно все прекрасно понял. И словно в нем сработала властная команда: «Вот он, теперь твой хозяин! Вот кого надо любить!» И все! Любовь включилась в собачьей душе, чтобы никогда больше не выключиться.

Щеночек завилял хвостиком, смешно и трогательно затопотал толстыми передними лапками. Трёхцветная мордочка расплылась в улыбке.

Не знаю, есть ли на свете люди, кого бы это не расплавило как снег на Солнце. Если и есть, я бы таких людьми не назвал.

- О! – покровительственно воскликнул заводчик. – Смотрите-ка, признал вас… Ну что, берете?

- По-моему, это он меня берет, - скуповато пошутил я. – А имя есть у такого чуда?

- Нет! – как-то даже радостно оживился мой собеседник. – Он же у меня бракованный, вот я и не стал ему ничего придумывать. Документов на него не будет, так какой смысл?.. Ну, думаю, если кто заберёт, так пусть сам и думает, как назвать.

Бракованный!.. И это словечко неприятно резануло меня, хотя я и постарался не подать вида.

- Разумно, - я наклонился к малышу. – Ну что брат? Отныне мы с тобой друзья до гроба?.. Хоть ты и безымянный пока, но это пустяки. Придумаем! Ну что, поехали?

Я протянул руку, и новый друг потешно боднул головой мою ладонь, заложенным в собачьих генах движением показав полное доверие к человеку, признаваемом собакой своим богом.

И я ощутил, что это крохотное создание уже взяло меня в душевный плен.

***

И прежде я знал, что зенненхунды замечательно умные существа, но неожиданное приобретение не преминуло убедить меня в том не то, чтобы железно, а даже, черт его знает, железобетонно, что ли.

Ну, прежде всего: пока я нес маленькое чудо до машины, а наёмные работники продавца, пыхтя, волокли мотор – я понял, насколько силён врождённый ум в щенке. Он сидел у меня на руках идеально смирно, даже почудилось, что как-то постарался подстроиться, чтобы мне было удобнее его нести… И правда, он прильнул ко мне так, словно стал моим продолжением, будто не маленькая, но все же тяжесть в руке, а часть моего «Я»…

Нет, всё-таки собаки – поразительные существа! Ну кто еще так может повлиять на психику человека, так легко и просто убедить кандидата наук в том, что он обрел такую драгоценность, от которой уже не сможет отказаться ни за что и никогда… Кто?! Да никто больше, разве только человек. Родной.

Пока два молодца загружали мотор в багажник, я посадил щеночка на переднее пассажирское сиденье, сказал с напускной строгостью:

- Сидеть тут! Смирно, тихо и без неожиданностей. Усвоил, братец?

Он так взглянул, что у меня и сердце защемило от умиления, и я понял: усвоил! Все соображает, паршивец.

Парни, загрузив движок, тоже посмотрели на меня. Их взгляды я тоже понял – и вручил каждому по сотне:

- Спасибо, мужики!

Сумма невелика, конечно, но по работе. Худо-бедно, а халявная бутылка пива, чем плохо?.. Надеюсь, оба остались довольны.

Поехали. Вел я очень аккуратно, памятуя, что в багажнике у меня незакрепленная масса килограммов в районе пятидесяти, да с гуляющим центром тяжести… Может, предосторожность и излишняя, допускаю. Но не повредит.

Ехал, весело поглядывал на детёныша. Ну до чего же умненький щеночек! Как сказал я ему сидеть смирно, так он смирно и сидел, иногда облизывал мордочку языком. Иногда взглядывал на меня так преданно, как будто молча говорил: хозяин, ты во мне не ошибешься! Я и тебе, и всему твоему семейству буду лучшим другом!..

Я усмехнулся, по-своему переведя собачьи мысли. Семейство у нас всего два человека: я, да супруга моя, Любовь Васильевна… Дочь студентка, учится в другом городе, взрослая девушка уже. По некоторым намекам, что проскальзывают в ее сообщениях, есть у нее молодой человек, и в недалеком будущем планируют они пожениться… Впрочем, это другая тема. Так вот, живём мы вдвоём с супругой в частном доме с прекрасным приусадебным участком, и большому псу будет у нас приличное раздолье…

- Так-то, братец! – произнёс я шутливо-наставительно. – Будешь жить как сыр в масле… Да! Ты же у нас ещё без имени?! Не годится. Между прочим, меня зовут Валентин Петрович. А тебя как же назвать?..

Я всерьёз задумался. Не хотелось банальностей. Уж если придумать имя, так что-то красивое, но без вычурностей, без глупого выпендрёжа. Что?..

- Сейчас придумаем, - я подмигнул песику, а он глянул на меня так, словно все понял. Впрочем, он и вправду как будто все понимал!

А я впал в азартные размышления. Задача оказалась интересной. Что же придумать мне моему юному красавцу?.. Что-то стандартно-собачье – претило. Что-либо нелепо-пафосное

тем более ни к чему… Беллерофонт какой-нибудь. Нет, надо просто, красиво, звучно. Вымпел?.. Нет, чепуха. При чем тут вымпел… Север? Тоже бессмысленно, без связи с происходящим. Восток? Восход?.. Тоже не то…

Хотя почему – не то? Восход… Рассвет! Рассвет! Вот оно, самое то. Начало дня, начало жизни, начало всего!

- Слышишь, псина? – рассмеялся я. – Рассвет твоей жизни! У тебя все впереди!.. Ну вот так я тебя и назову. Рассвет! Отлично.

Когда я приехал домой, Любовь Васильевна копошилась на участке, сгребала опавшие листья. Одна из таких кучек уже горела, вернее тлела, наполняя окрестности горьковато-печальным привкусом. Дело было уже к закату.

- Добрый вечер, Любовь Васильевна! – шутливо прогремел я, подходя. – И дым отечества нам сладок и приятен?..

- И вам не хворать, - супруга даже не обернулась, орудуя граблями. – Купил мотор свой замечательный?

- А как же! И не только его.

- То есть? – мадам мгновенно выпрямилась, заподозрив нецелевую растрату семейных средств. И про грабли словно позабыла. – Ещё купил чего-то?!

- Не купил, а приобрел безвозмездно! То есть, даром.

Супруга немного успокоилась, но все же оставалась настороже:

- Что там еще? Вздор какой-нибудь приволок?

- Э, вздор… Золото, можно сказать!

- Ты не говори, а показывай золото своё.

- Не своё, а наше. Минутку!

И я вернулся к машине, где оставил Рассвета в качестве сюрприза.

- А ну пошли, брат, сейчас представлю тебя Любови Васильевне. Она дама серьезная!

……..

Любовь Васильевна у меня особа солидная, представительная, сохранившая красоту и в зрелом возрасте, хотя, конечно, эта красота другого толка: не свежесть и очарование юности, но царственность, осанка, величавость… Королева, словом. И себя она старалась держать по-королевски, никогда не ронять достоинства пустой суетой, двигаться неторопливо, эмоции сдерживать…

И вот лицо у этой королевы странно изменилось, когда она увидела трёхцветное – чёрно-карамельно-белое – лохматое чудо. Годами выработанная маска надменности дрогнула. Да что там дрогнула! – слетела напрочь, обнажив целую гамму чувств. Я бы в целом назвал её так: искреннее детское простодушие. И тут же – хлоп! – маска вернулась. Супруга вмиг сообразила, что слишком открылась. Имидж требует заключиться в неприступную строгость.

- М-да… - протянула мадам. – Чем бы дитя ни тешилось…

- И вы, Любовь Васильевна, можете потешиться!

Супруга хмыкнула:

- Я не дитя, слава Богу. Это, Валентин Петрович, вы на старости лет решили в детство впасть.

Я шутливо приосанился, выпятил грудь, живот втянул:

- Ну и где же вы видите старость?!..

Жену свою я знаю, как облупленную. Ход разговора не оставлял сомнений в том, что пёсик ей ужасно понравился. Но вот характер никак не позволял сказать этого прямо. Непременно надо поломаться, повыпендриваться, ни слова в душевной простоте… Я к этому давно привык, как к безобидному чудачеству. Такие ведь у всех есть! А в целом Любовь-то Васильевна женщина славная. Хорошая хозяйка, верная жена и просто замечательная мать. Мне с ней повезло – и потому её маленькие причуды я давно научился пропускать мимо восприятия.

- Да! - воскликнула она, спохватившись, - а имя-то у нашего постояльца есть? Шарик, Бобик? Может, Жучка?!

- Белка, Стрелка… - в тон произнёс я. – Нет, конечно. Подымай выше! Рассвет.

- Какой рассвет? – не поняла супруга.

- Имя! - и я почти продекламировал: - Нашего пса зовут Рассвет.

Тут Любовь Васильевна вторично оторопела. После краткой паузы она произнесла:

- М-да, Валентин Петрович, умеешь ты удивлять. Сколько живём мы с тобой, столько я и удивляюсь…

- Ну, по крайней мере, это не скучно.

***

Так Рассвет вошёл в нашу семью. И очень скоро – да что там скоро, почти сразу! – нам казалось, что пёсик был у нас всегда. Даже как-то трудно было представить себе, что мы жили без него… Пёсик – это, конечно, очень условно говоря, уже за полгода Рассвет вымахал в здоровенного собачьего детину: это был самый бурный период его роста. Потом, конечно, он ещё немного подрос, но это было уже вдогонку. Зенненхунды вообще крупные создания – для примера, побольше и потяжелее овчарок, хотя поменьше сенбернаров и ньюфаундлендов; а наш Рассвет удался даже на этом фоне. Может, и в этом отклонение от породы, но я не знаю, не вникал. Словом, наш Свет – так мы его тоже привыкли называть, как Александра зовут Сашей или Шуриком – всеми габаритами подтягивался к ньюфу.

Не знаю, то ли я вообще предвзят, то ли на самом деле так – но потом мне всегда казалось, что лучше и умнее пса, чем наш Свет, нет на свете – вот такой каламбур. Он никогда не мешался под ногами, не гавкал зря, не суетился. Всякие ласки, вплоть до фамильярной трёпки, достаточно увесистой, он выносил с сугубым достоинством. Это на меня иногда накатывало неудержимое озорство, и я принимался трепать, валять рассвета, крепко тискать его очаровательную морду… Он это разумно понимал, как всплеск позитивных эмоций хозяина, вилял хвостом, обнимал меня могучими лапами, аккуратно прихватывал мощными клыками мои руки, ни разу не причинив ни малейшей боли. Все это сдержанно, деликатно, как бы совершенно понимая хозяйские чувства. Вообще, Рассвет был самый настоящий пёс-джентльмен. Мне чудилось иной раз, что он понимает все, вот просто по-человечески! Сказать не может, да. Но что такое дружба, верность, преданность – ради этого он и создан. Это живет в нем, как должно жить в каждой собаке, воплощении идеи… но в жизни бывает по-разному. Так вот, в нашем Рассвете та самая идея оказалась воплощена по максимуму. Больше не бывает.

И я стал меняться. Сперва сам этого не замечал, потом заметил, а потом проанализировал как подобает философу. Дело ведь в том, что в мою жизнь вошла в чистом виде идея преданности. Это больше, чем дружба; дружба – это все же некий ослабленный раствор преданности. То есть, такого состояния души, когда другого любишь больше, чем себя, когда за этого другого – в воду и огонь, и за тридевять земель. Это на самом деле чистая, прекрасная, высокая идея. Конечно, она – не весь моральный мир, тот куда богаче, но без неё, без этой идеи, он существовать не может. Как самолёт без одного крыла. И вот она пришла ко мне, вошла в мой дом в облике огромного пса Рассвета. И не уйдёт никогда, потому что я не смогу отказаться от неё.

И побежали дни, потекли годы…

Примерно через неделю после появления щенка меня осенила мысль вроде бы странная, но показавшаяся мне красивой. А посажу-ка я на участке дерево! Какое?.. Да хотя бы клён. Нет, даже не хотя бы! Именно клен, с такой роскошной широколиственной кроной, осенью становящейся огненно-рыже-багряной… Да! Решено – сделано. Поехал на рынок садоводов, приобрёл саженец. Супруге объяснил:

- Пусть растут параллельно. Рассвет и клён. Как тебе такое сочетание?

Любовь Васильевна рассмеялась:

- Ты бы пса ещё Ренессанс назвал!..

- Нет, - ровно отказался я. – Назвал именно так, как надо. Рассвет – ведь это то, что каждый день напоминает нам…

О чем напоминает нам рассвет, каждый день нашей жизни глядя нам в глаза?.. Да о том, что не все в этом мире тлен и прах, и ничто не уходит бесследно, хотя может показаться и так. Нет! Я убеждён, хотя и не доказываю. И даже студентам своим говорю так: мнение выскажу, а доводов приводить не стану. Вы сами, если хотите, подтверждайте, опровергайте… Предоставляю вам полную свободу!

Желающих почти не находилось, но меня это не очень трогало. А рассвет – да, это Вселенная каждый день говорит нам о Возрождении, о том, что смерти нет. Только бессмертие не даётся просто так в человеческие руки: на, получи! Его нужно обрести, работать над собой. Идеи бессмертны, да. Но до них здесь, на Земле, нужно дорасти. А это сложно.

И да – в какой-то степени супруга моя права. Рассвет, восход Солнца над нашей планетой – это на самом деле ежедневный Ренессанс в прямом смысле, рассказ о вечности – только вслушайся! Конечно, мало кто на свете в это вслушивается. Люди бегут, суетятся, кружатся в вихрях бесконечных забот… Остановиться, вглядеться, вслушаться – да куда там! Не до того.

А я могу. Вряд ли это моя заслуга. Так сложилась жизнь. Профессия научила меня смотреть в мир, в себя пристально. И я вижу, что вряд ли мы сможем изменить привычный ход вещей. Что всякий рассвет завершается закатом. Что идеям, одетым в плоть вещей, растений, животных и людей, не под силу разорвать порочный круг. Что мы так и обречены жить – знать, что бессмертие есть, но никогда его не встретить…

Так и живём. И мы с женой так жили, и Рассвет. Любовь Васильевна к собаке привыкла. Не сомневаюсь, что полюбила, но виду не подавала – такой уж характер. Приезжала дочка, сперва одна, потом с молодым человеком, оба ахали, охали, восторгались нашим Рассветом. Он отнесся к обоим совершенно дружелюбно, давал себя гладить, трепать, умиляться, сюсюкать… Но я прекрасно знал, что все это лишь потому, что Рассвет понял: эти двое – близкие люди моего хозяина. Они ему дороги. Значит и мне. И точка. Вернее… Вернее, многоточие.

По-настоящему дорог хозяину из этих двоих один человек. То есть, одна. Девушка. Другой… Нет, он не враг, конечно. Больше того, он дорог девушке. Это я понял. А вот хозяину… Не смогу объяснить. Наверное, это слишком сложно для меня. Я всё-таки не человек.

Примерно так я моделировал мысли Рассвета, глядя на него, на дочь, и на этого… зятя, скажем так. Поскольку он и вправду потом стал зятем. А еще потом перестал.

Да, собачьему разуму наверняка не под силу сложные психологические переливы в человеческих мозгах. И это хорошо! Иначе не было бы такой несокрушимой силы преданности, с которой псы приходят в мир. А моё отношение к зятьку – оно действительно такое многосложное, по-доброму снисходительно-ироническое. Философия вообще научила меня ни к кому не питать неприязни. Убить в себе любые злобно-агрессивные, уничижительные, презрительные чувств. Все это – твои бумеранги, твоё саморазрушение. Конечно, всякое может случиться в жизни. Но – умейте властвовать собой! Мудро сказали римляне.

И к зятю я отнёсся по-дружески. При том, что сразу же увидел: ничего путного из него не выйдет. Он не мужчина, не работник, не светильник разума. Тем более не воин, если уж этот ряд двигать до конца. Недотепа. Слабый, бездарный, безвольный, безобидный человек. Мягкий, улыбчивый, приятный в общении. Но и улыбка, и приятность его от слабости. От невозможности совершить хоть что-то внятное в жизни. И почему моя дочь, серьёзная, неглупая, целеустремлённая девушка – выбрала такое пустое место, я не понял. Но и не удивился. Ибо философ! И знаю, сколько скрытого, неведомого, необъяснимого живет в наших душах… Любовь зла, полюбишь и козла – именно эта причуда и настигла нашу дочку. Я не разубеждал ее, зная, что сама должна пройтись по этой тропе, сама встать на грабли, если они подвер-

нутся… Так оно и вышло: свадьба, разочарование, развод. Дочь приезжала к нам грустная. Я ей в душу не лез, предоставив разговоры по душам Любови Васильевне. Женщины в таких случаях друг друга легче понимают.

Иногда я видел, как дочь, присев на траву, ласково треплет Рассвета по загривку, потому что он сам, умница, подходил к ней, точно понимая, что ей сейчас нужна именно такая молчаливая, без слов поддержка. Обычно это было около клёна, уже заметно выросшего, дававшего немалую тень, и в этой тени дочери очень нравилось сидеть на траве. Могла так сидеть часами, и Рассвет с ней рядом. Потом она уехала надолго.

И эти дни, месяцы и годы шли, шли, шли…

***

Я вдруг обратил внимание на то, что Рассвет стал стареть. Животные вроде бы внешне так не стареют, как люди, но все равно это бывает заметно. И я думал о том, что собачий век недолог, как век кавалергарда из песни, и что большая часть нашего с Рассветом земного пути пройдена. И сколько еще лет впереди?..

Ответа на вопрос, конечно, не было, но я все равно спрашивал. И смотрел в небо, словно у него, у неба спрашивал, зная, что ответа не будет. Да это, собственно, и не вопрос был, а так, печаль. Иногда и в малом знании много печали.

Мои студенты, разумеется, знали о том, что их преподаватель вроде бы собаковод, но какой-то странный: не посещает собаководческих клубов, не интересуется стандартами пород, вязками, щенками, их продажей… Это было нелогично с их точки зрения. Однажды один из студентов, некто Сергеев – так себе парень, ни рыба, ни мясо – совершенно простодушно спросил:

- Валентин Петрович, а зачем вы дома бракованную собаку держите?.. Какой смысл?

Не вспомню уже, отчего возник семинарский разговор вдруг съехал к этой теме, но отлично помню свою безнадёжную какую-то оторопь: как так? Ну как же так?! Я ничему не научил этого парня, может и глуповатого, но хорошего же, беззлобного и уж мои-то слова способного понять… А он – про «бракованную собаку». Ну и как мне теперь втолковать ему, что не бывает никаких бракованных собак, что между близкими людьми и животными прорастают незримые нити, прочнее которых быть не может, что это и есть любовь, в самом широком смысле, и разве в этой ауре любви возможны такие слова и мысли как «бракованный пёс»?.. Ведь вроде бы это – о смысле жизни, о важнейших идеях, созидающих смысл нашего бытия, стремился говорить я на лекциях и семинарах, вкладывал себя всего в эти мысли… И вот нате вам – не дошло. Как в стену говорил.

Конечно, я постарался объяснить и ему и всем присутствующим об огромной силе любви – и с этим вместе о её трагическом месте в нашем мире, о том, что каждый день этого мира мы видим, что смерть сильнее всех любовей. И как доказать, как рассказать, что надо верить в победу любви над смертью?.. И я, философ, не смогу этого сделать. Думать и мечтать могу, а сделать – нет.

Этот мелкий, в общем-то, случай до странности зацепил меня. Черт возьми! Неужто я не могу донести до юных голов то, что не просто волнует меня, но что составляет стержень, сердцевину, суть моей жизни!.. В расстроенных чувствах прибыл домой, попробовал изложить все это Любови Васильевне, однако, сам понимал, что получается плохо, коряво, многословно и нудно – и конечно, супруга меня не поняла.

- Ах, Валентин Петрович, - произнесла она с иронией…

Когда хотела выразить саркастическое отношение к исходящему от меня, супруга всегда включала «Валентина Петровича»…

- …ты вот сам толком не можешь высказать то, что хочешь, а от студентов требуешь!

Меня это, конечно, задело, но куда же денешься – в данных словах была доля правды. На самом деле не могу. И не потому, что я плохой философ и преподаватель. Я-то знаю, что не плохой. А потому, что предмет мысли огромен и необъятен. И понять истину здесь мало. Ее надо пережить.

Думая об этом, я вышел на крыльцо. Был сентябрь, дивный ясный день, тёплый, не жаркий. Бескрайнее синее небо. Осень только входила в разгар, и наш домашний клён, то есть его листва приобретала медовый цвет – с тем, чтобы вскоре преобразиться в огненно-рыжий.

К этому времени я сделал под кленовой кроной маленькую скамеечку. На неё и сел. И немедленно подошёл ко мне Рассвет. Взглянул в глаза.

- Господи, Свет, - сказал негромко я. – Вот ты все понимаешь. Наверное, ты это можешь пережить. Но почему-то не можешь сказать. Странно устроен мир! Кто может сказать – тот не поймёт. Кто понимает – не может сказать… Ирония Вселенной! Верно я говорю, Свет?

«Верно,» - ответил он мне взглядом. А я обнял его, притиснул к себе, чувствуя, как он мягко подался ко мне, но не наваливаясь тушей, не давя. Именно так как надо: ощутимо, но немного. Словно и это он тоже понял.

Однажды, вот не пойми даже с чего мне захотелось поехать к тому собаководу, у которого я купил Рассвета. Опять же философский мой подход таков: если хочется, и не знаешь почему, то сделай. Значит, так хочет некто, кто умнее нас. А кто он, как его назвать?.. – это вопрос иной.

И я поехал.

Собачья ферма за эти годы вроде бы и не изменилась совсем. По крайней мере, не расширилась. Немного обветшала, что ли. Вообще, впечатление такое, что дела здесь не ахти. И хозяин заметно постарел. Обрюзг, ссутулился, словно бы весь уменьшился, со всех сторон. И вроде бы не так уж много лет прошло… А хотя нет, не мало. Просто эти годы так пролетели для меня, что кажется, будто бы немного. Порядком, да.

Подряхлевший хозяин меня сперва не вспомнил. Да и потом с натугой.

- Ну как же, - я улыбнулся. – Я у вас купил щеночка зенненхунда, он был нестандартный, вышел из рамок стандарта. Помните?..

- А-а… - неуверенно протянул владелец, - да-да, припоминаю…

Но я видел, что он не припоминает, а говорит так, из вежливости. Ну, может, что-то смутно и просквозило в памяти… И он тут же оговорился, криво ухмыльнувшись:

- Знаете, ведь столько у меня их было… И зенненхундов, и других… Не счесть!

- Понимаю.

- Да… Так вы что же, хотите еще кого-нибудь приобрести? Пожалуйста! Идемте, посмотрим!..

- Нет, - мягко сказал я. – Я пришел сказать вам спасибо. За моего Рассвета?

- К-кого?.. – он аж поперхнулся.

Я объяснил, что пса моего зовут Рассвет. И еще раз подтвердил благодарность за него. А чтобы это было не впустую, вынул пятитысячную купюру:

- Это вам. В дополнение к благодарности. Прошу не отказываться.

- Да нет… - пробормотал ошарашенный заводчик, - не откажусь. Денег лишних не бывает. То есть… извините! Если от всей души…

- От всей, - заверил я и вручил ему деньги. – Прощайте.

И пошел. Секунд через пять он вдруг суматошно закричал мне вслед:

- Стойте! Стойте! Извините…

Я обернулся:

- Да?

- А что, это правда вы ему такое имя… Рассвет?

- Совершенная правда. А что?

- А… Да нет, ничего. Странно!..

- На этом свете много странного. Будьте здоровы!

И ушел.

***

В правоте собственных слов мне пришлось убеждаться года через полтора, когда дочь снова вышла замуж. Ну как же это не странно? – ее как будто ничему жизнь не научила. И этот зять оказался таким же унылым вздором, что и первый. Тот даже был поинтереснее, этот же совсем в спячке. Ну как же тут не удивляться, будь ты хоть трижды философом! Ведь это моя дочь, моя плоть, моя кровь! Ведь должна она смотреть на мир хоть вполовину моими глазами?.. Да будь я женщиной, я бы на эту слякоть и не взглянул бы! А она раз за разом находит себе таких недоделанных… Впрочем, дочь была в восторге, уверяла, что наконец-то она нашла семейное счастье. Ну ладно – переглянулись мы с Любовью Васильевной. Посмотрим…

Так и смотрим до сих пор. И вправду живут, и не наглядятся и не надышатся друг на друга, и счастливы. И парнишка у них растет, наш внук, замечательный, мы в нем души не чаем. И тоже счастливы. А зять все такой же обмылок, то работает, то нет, двух слов связать не может, и зарабатывать нормально тоже не может. Но они счастливы! И это главное.

Конечно, счастье – сущность сложная, многоплановая. С нюансами, оттенками, оттяжками. Мы жили вроде бы безбедно, дочь, слава Богу, нашла себя вместе со своим, прости Господи, суженым-ряженым. Внук растет, не успеешь оглянуться, как ему в школу уже… Я не скажу, что с годами время побежало быстрей и быстрей, как уверяют многие. Вроде бы нет – как шло раньше, так и теперь. Вот только Рассвет… Он тоже как-то заметно одряхлел, и это как раз случилось быстро. Любовь Васильевна оказалась в этом случае проницательнее меня.

- Слушай, - сказала она, - а пес-то твой…

- Наш.

- Наш, наш, хорошо, - кротко согласилась она. – Я не к тому… Что-то с ним неладно. Ослаб очень.

Слова жены, если по правде, лишь сомкнули, подтвердили то, что я видел, но боялся о том подумать. И теперь подавленно молчал.

- Надо к ветеринару ехать, - твердо промолвила супруга.

Назавтра поехали. Рассвет лежал на заднем сиденье, дремал. Я с дрожью подумал, что пес тускнеет и слабеет не по дням, а по часам. Ехал, часто бросал взгляды в зеркало заднего вида, как будто это могло помочь. Чувствовал, как теснит сердце. Отродясь такого не было. Я его, сердце свое, попросту не замечал, подобно всему тому, что нам счастливо дается даром. А вот, оказывается, и нет. Боль в сердце напомнила о том, что за счастье надо платить.

Доктор, осматривая Рассвета, сразу нехорошо покачал головой.

- Ну что сказать… - протянул он. – Надо делать анализы. Но должен заранее предупредить: предчувствия у меня неважные. А ошибаюсь я редко. Опыт.

Я молча кивнул.

Предчувствия врача сбылись. Анализы показали онкологию.

- Да, представьте себе, - сказал он мне. – И у собак это бывает. Порадовать вас ничем не можем: случай неизлечимый. Очень сочувствуем. Ну, единственное… знаете, как говорят, что души животных уходят на радугу. Если вас это утешит…

- Хотелось бы, - сказал я глухо.

Доктор как будто замешкался.

- Да, и еще… Наверное, вам будет больно слышать это, но что ж делать. Когда все станет… ну, очень плохо, приезжайте к нам. Понимаете? Чтобы собака не мучилась.

Я понял, но помню, какой холод охватил меня изнутри. И в тот же день услышал примерно то же самое. От соседа.

Зашел он к нам за каким-то хозяйственным пустяком, а я вдруг испытал непреодолимую потребность поделиться. Видимо, мне в этот момент было неважно с кем, годится и сосед. И я поделился.

Он сочувственно закивал:

- Да, да, очень вас понимаю… Но что ж делать! Такова жизнь. И знаете, пса надо бы пристрелить! Чтобы не мучился. Это будет гуманно. Если хотите, я готов помочь. Карабин у меня есть.

Сосед говорил все это свободно, с искренним расположением ко мне и к Рассвету, а я ощущал, как тот самый холод охватывает меня изнутри. Я не верил, что это может быть! Взрослый, нормальный, разумный человек!.. Как это может быть в голове?!

Не знаю, что он прочел в моем взгляде, но как-то вдруг съежился, растерялся.

- То есть… - пробормотал он, - конечно, это как вы хотите… А я хотел помочь, верьте-не верьте.

- Верю, - промолвил я таким голосом, что сосед больше не нашелся, что сказать, кроме как:

- Ну… да, конечно… До свиданья.

Я лишь кивнул. Повернулся и пошел в дом. Разговор происходил на участке.

Я не сердился на него, на этого соседа. Правда, нет. Как тут сердиться?.. Если просто человек не понимает, не сознает того, что составляет суть моей жизни, моей судьбы?.. Это опять же странно, даже дико, но к этому моменту я уже не удивлялся. Ну, инопланетянин, что теперь поделать. Наверное, и я ему таким кажусь. Это не хорошо, не плохо. Это наша Вселенная.

И моя завкафедрой, Тамара Ивановна – тоже наша Вселенная. Когда я попросил у нее неделю за свой счет и объяснил, почему – она вдруг схватила смартфон, пустилась лихорадочно листать его.

- Валентин Петрович! Вот… Ах, как я вас понимаю! Посмотрите.

И она показала мне множество фотографий кота. Самый обычный домашний зверь с умилительной толстой важной физиономией, от взгляда на которую так и хочется улыбнуться. Я и улыбнулся:

- Да. Скромное обаяние наших питомцев… Как зовут?

- Звали, - поправила она. – Тимофей Николаевич. Именно так и звали: кот Тимофей Николаевич… Муж так назвал в шутку, наверное, а потом все привыкли.

Она длинно и прерывисто вздохнула.

- Тимофей Николаевич наш давно уже на радуге. Но вот фото… смотрю каждый день, не могу расстаться. Все это так… Так навсегда с нами, вы понимаете?

- Еще как! – вздохнул я тоже.

- Конечно, - сказала она. – Конечно, Валентин Петрович. Неделю я вам дать могу.

- Не больше, - я кивнул. – Судя по всему, не больше…

Так оно и вышло. Рассвет, как подобает лучшему другу на свете, предельному воплощению идеи преданности, старался нас не беспокоить. Но я-то видел, что пес сильно мучается. Старался сдерживать слезы. А вот Любовь Васильевна расплакалась:

- Валя! – проговорила она дрожащим голосом, - ну что же делать! Ну что же делать?!

В этих мучительных словах, во всем недосказанном, что жена не смогла произнести, была жестокая правда. И мне пришлось идти к Рассвету, обнять его, погладить по голове, чувствуя, как легко облезает, чуть ли не клочьями выпадает шерсть:

- Ну что, брат? Поедем?.. Я с тобой, ты не думай. Я всегда с тобой. Всегда. Не оставлю тебя.

И взяв Рассвета на руки, я вдруг ощутил, насколько он исхудал. Чуть ли не в половину обычного своего веса. Мне стоило огромного труда не разрыдаться, я поскорей зашагал к машине. Хотел сказать хоть что-то… и не смог.

Положил пса на заднее сиденье.

- Сейчас… Сейчас, брат, - вот тут сумел что-то выдавить из себя.

Рассвет поднял взгляд, посмотрел мне прямо в глаза… Хоть я и прежде знал, что он понимает все, что надо – но всё-таки до сих пор такого взгляда ещё не было. Где вся Вселенная, от края и до края, с вопросами и без ответов, любовью и печалью, разлукой на века и ожиданием вечности.

И все.

…И теперь я сижу на веранде, дышу сырой осенней горечью, вижу облетевший клён, под которым покоится Рассвет. Помню его, помню Мальту, всех тех, кого я знал, и кого сейчас здесь нет. Радуюсь за живых. Думаю о том, что и мне не так уж много осталось, и что в нашем мире смерть всё-таки сильнее любви. И что такого не должно быть, а оно есть. Значит?.. Значит, в нашем мире что-то не так, а так будет там, на радуге, где мои ждут меня, а потом буду ждать я. Я верю в это, потому что иначе не могу. И потому, что иначе просто не может быть.

ДОМ НЕСБЫВШИХСЯ НАДЕЖД

Говорят, самое страшное на свете – потеря близкого человека. Я не мог ни подтвердить, ни опровергнуть этого, потому что у меня близких людей не было. Наоборот, потеряли меня.

Как это произошло? Не знаю.

Всякий человек выплывает в мир из тьмы беспамятства. Первые отрывочные проблески о себе, об окружающем, о вселенной – они приходят к нам в четыре-пять лет. Раньше – пустота. Небытие. Есть фотографии, фиксирующие твоё пребывание в мире в этом возрасте, но ты смотришь на этого себя как на чужого незнакомого младенца. Ты был им – это факт. И в твоей памяти нет абсолютно ничего, что говорило бы об этом факте. Это странно, если вдуматься. Однако все люди живут с этим, не вдумываясь.

А я вдумался. У меня ведь и фотографий нет. Я человек ниоткуда. Человек-загадка. Был найден в трёхлетнем возрасте на улице. Сердобольные люди заметили близ автобусной остановки малыша, показавшегося им растерянным и брошенным… Так оно и оказалось. Найдёныш ничего не смог сказать ни о себе, ни о родителях: нашедшие бились с ним, бились, но ничего не смогли выведать. Безымянного ребёнка забрала милиция, которая тоже не смогла ничего добиться. Оставалось одно: определить в детский дом, дать имя и фамилию. Обычно таким подкидышам и давали фамилии: Найденов, Подкидин, Безыменский, либо же по названиям населённых пунктов, улиц, где они были обнаружены, а случалось, и по дням недели: Пятницкий, Субботин. Впрочем, знаю случай, когда наша преподаватель литературы настояла, чтобы одного такого без роду, без племени младенца назвать Михаил Львов – объединив имена двух её кумиров русской словесности: Лермонтова и Льва Толстого…

А со мной и вовсе история особая. Наш тогдашний директор Павел Васильевич Корнев решил почему-то назвать меня в честь своего отца, а отчество дать своё. И только фамилию чуть изменить. На одну букву. Так я стал Василием Павловичем Корнеевым.

И побежали дни, месяцы, годы. Никто никогда не поинтересовался мной со стороны. А воспитатели, преподаватели детдома… Им не то, что спасибо, им самый искренний поклон до земли. Они работали с нами от души, искали ключики к душам каждого из нас, стремились понять наши таланты, наклонности, слабости – чтобы из этих знаний выстроить линии наших судеб.

Сейчас мне, взрослому мужчине, кажется, что ко мне все же относились иначе, нежели к прочим. Возились тщательнее и прилежнее. Вкладывались побольше, чем в других. Думаю, их все же задевала, волновала странность моей судьбы. Верней, её начала – возникший из ничего мальчик, гомункулус какой-то, и самое странное – держащий в руках шикарную детскую книгу «Ежевичная поляна».

- …Понимаешь, - говорила мне, уже студенту-выпускнику сильно постаревшая воспитатель Мария Андреевна, - ты был, уж прости, такой запущенный мальчик… Неумытый, с насморком (она постеснялась сказать «сопливый»), в заношенной одежонке. И вдруг эта книга!

Я помню эту книгу. С годами она безвозвратно затерялась, но я помню ее. Большого формата, роскошная, в глянцевой обложке, на мелованной бумаге, с чудесными иллюстрациями. Для детей, только начавших читать. Сборник сказок о мышином семействе, живущем в лесной гуще: в трухлявом пне посреди ежевичной поляны. Милые, смешные, трогательные и поучительные истории.

- Как одно сочеталось с другим? Затрапезный вид и эта книга?.. Не знаю.

Мне казалось, она действительно не знает, хотя во всем этом я ощущал некую мутную недосказанность. Не по вине Марьи Андреевны. Здесь было нечто глубже и темней. Это осталось в памяти, хотя не сразу я постиг эту глубину. Но я умел докапываться до сути.

Не стану зря скромничать. Интерес педагогов ко мне объяснялся и моими неординарными способностями. Их заметили ещё на дошкольном уровне. Я рано и стремительно научился читать – и после остановить меня было нельзя. Читал все, что попадало в руки, от газет до энциклопедий, не всегда, разумеется, понимая написанное. Но всегда стремился узнать, расспрашивал обо всем. Та же Марья Андреевна годы спустя говорила, что столь рьяная любознательность и радовала, и пугала:

- Уж очень это было в диковинку на общем фоне… Чуть мозги не вывихнули, все гадали: что же из тебя вырастет?!

Выросло-то не сказать, чтобы особо много. Рядовой кандидат наук, доцент. Преподаватель вуза. Но для детдомовца и это подвиг! Специальность? Психология. Определился с этим в старших классах. Общая тяга к книгам, знаниям смогла перелиться в профессиональный интерес. За пару лет я сумел так подтянуть себя в этой сфере, что вступительные экзамены сдал шутя. Не напрягаясь. И учёба давалась легко. Потому что была удовольствием. Я нашел себя. Занимался тем, к чему, должно быть, и был предназначен. Правда, потом застопорилось. Стал кандидатом, так и остался. Рутина затянула.

Жаль? Не тот вопрос. Как легло, так легло, и категории «Жалею? Нет?..» здесь неприменимы. Я работал, работал и работал, стремился помочь тем, кто ощутил себя в жизни потерянным, одиноким, кто испытал тяжкий надлом души и сам не мог с этим справиться. И помогал. Я ведь помнил себя – человека ниоткуда, помнил эту травму и прекрасно представлял, как может быть ранена душа. Потому и понимал этих раненых людей.

И всегда думал о том, что я должен найти своих родных, хоть поначалу и не представлял, как. Только мечтал. Почему-то в мечтах всегда фигурировал свой дом, сад, все уютное, почти волшебное – дом с мезонином, вишневый сад… Не знаю. Представлялось, что всей семьей сидим мы на веранде, облака белее белого плывут по синеве, теплый летний ветерок ласково гладит лица, чуть слышно шелестит листвой… Мы пьем гречишный чай с черничным пирогом, ведем неспешные проникновенные беседы… Почему-то именно эти детали: вишнёвый сад, гречишный чай, черничный пирог, очаровательно интеллигентные родные люди – неизменно присутствовали в моих мысленных картинах. Как утончённые обладатели вишнёвого сада могли потерять малыша? Почему он у них был сопливый и замызганный?.. Как говорится, вопросы на засыпку. В мечтах ведь логики нет. Веранда, мезонин, летний вечер, чудесная семья – и все тут. О прочем не

Как психологу, мне часто приходилось работать с детьми и подростками. Точнее, я сам брался за такие задачи – слишком хорошо зная, изнутри, что может терзать юную незрелую душу. И не забывал свой детдом. Числился там психологом за символические деньги – четверть ставки – стараясь делать гораздо больше. Контингент в заведении сложный, забот у педагогов всегда сверх головы. Я хотел дать как можно больше детям, чьи судьбы с первых лет жизни оказались сдвинуты, надломлены – сделать так, чтобы они не сломались совсем. Не скажу, что мне это удавалось стопроцентно; бывало всякое. Но что я делал, то старался довести до конца, добивался результата, доказывал ребятам, что жизнь полна света, в ней множество дорог, и одна из них непременно будет твоей, поведёт тебя к счастью…

Время шло, времена менялись. Старый директор, мой названный отец Павел Васильевич ушёл на пенсию, оставшись работать учителем математики. С учителями всегда дефицит, а он к тому же профессионал экстра-класса, ещё и астрономию с физикой мог вести. Новый директор Ольга Аркадьевна держалась за Павла Васильевича двумя руками. И на воспитанников он действовал магически: в его присутствии в классе был такой порядок, что муха пролетит – слышно.

У меня же с ним отношения были странноватые. То есть, вполне корректные, как подобает быть между взаимно уважаемых коллег. И все на том. Однако, по едва уловимым приметам, черточкам, проблескам я иногда угадывал, что старику хочется потолковать со мною по

душам, возможно приняв при том чарку-другую… Но всякий раз его что-то останавливало. Как психолог, я его не торопил. Считал: раз человек не решается, значит, не дозрел. И я не буду торопить. Подожду.

Дождался… Павел Васильевич скончался внезапно. Оторвался тромб.

Хоронили торжественно, с большим стечением народа, речами и поминками. Детдомовские педагоги долго вздыхали, сожалели, грустили… А примерно через неделю меня пригласила к себе в кабинет Ольга Аркадьевна.

- Василий Павлович, - сказала она непривычно-смущенным тоном, - видите ли, в чем дело… Да вы присаживайтесь.

-Спасибо.

Я присел, успев внутренне насторожиться.

Ольга Аркадьевна ненужно покрутила в руках карандаш.

- Видите ли… - повторила она и полезла в ящик рабочего стола. – Звонит мне Валентина Ивановна. Вдова Павла Васильевича…

В бумагах покойного мужа Валентина Ивановна обнаружила большой запечатанный конверт с надписью: «Для Корнеева В.П.» Она знала, конечно, кто адресат. И не распечатывая, передала пакет директору. А та мне.

- Вот, - она деликатно двинула конверт по столу.

- Спасибо, - пробормотал я.

Рой мыслей взвихрился в голове и вмиг сложился в сложное тоскливое предчувствие. Что мне хотел сказать покойный директор? Почему так и не сказал?..

Вернее, сказал только после смерти. Я не сомневался, что в пакете именно оно и есть. То, что крылось за недомолвками, отведенными в сторону взглядами, невольными жестами, в которых я, как психолог, улавливал «и хочется, и колется». И все это я теперь несу домой. Тайне остается быть тайной час с небольшим.

Я даже немного потянул это время. Попросту не решался открыть конверт. По пути зашел в магазин, купил бутылку хорошего коньяку. Я равнодушен к алкоголю, но в данном случае ощутил, что необходимо. Меня слегка потряхивало, как спортсмена перед стартом.

Дома я выпил, подождал, когда коньяк сдвинул привычные рамки бытия, реальность мягко, приятно поплыла – и вскрыл конверт.

Там оказалось от руки написанное письмо. От Павла Васильевича к Василию Павловичу. Прочитав, я машинально налил еще рюмку, выпил. Минут… не знаю сколько минут отрешенно смотрел в стену. И взялся перечитывать вторично.

В письме, конечно, ничего не изменилось, но изменился я. Первое прочтение меня оглушило: я не мог заставить себя размышлять над прочитанным. Потребовались тайм-аут и усилие воли, чтобы воспринимать текст разумно.

Павел Васильевич с того света сообщал мне то, что так и не осмелился сказать об этом. А именно: что мои имя и фамилия вовсе не были тайной. Я не был ничейным и безымянным. При мне была записка с данными, милиция передала эту записку вместе со мной Корневу. Но он предпочел скрыть все это и «перезапустить» мою жизнь с нового листа, с новым именем и с иной судьбой.

Я чувствовал, что сердце мое бьется, как у спортсмена, отмахавшего во весь дух изрядную дистанцию. И что во мне и надо мной незримо реют бесконечные «почему»: почему, почему, почему так?..

Мои родители жили совсем неподалеку: в соседнем областном центре. Город Н. Километров двести. За много лет никак себя не проявили. Не поинтересовались. Сделать это было проще простого. Но они не удосужились. Предпочли бросить ребенка и забыть. Как какого-то приблудного котенка.

Все это – карусель «почему», и нет ей края и конца. Сердцебиение угомонилось, но я долго еще сидел в оцепенении, и вопросы все колесили, колесили, не могли остановиться… Толку от этого никакого не было, я чувствовал себя потерянным, опустошенным, не имея сил искать ответы. Нет, я знал, что завтра соберусь, отвечу – но сейчас хотелось просто сидеть, смотреть в окно, видя, как зарево заката оседает за горизонт, ночь накрывает мир, звезды холодными огоньками проступают в стремительно темнеющем небе…

Назавтра я оформил на службе коротенький отпуск без содержания, собрался, сел на ночной поезд, рано утром был в городе Н. Не торопясь, позавтракал в вокзальном буфете – и отправился по адресу.

Предчувствия? Были. Идти не хотелось. Прямо ноги не шли. И сумерки окутывали душу. Иначе говоря, ничего хорошего от этого визита я не ждал. Зачем шел? Ну что сказать… Пытался убедить себя. Уговорить. Ведь чудеса на свете бывают, так может и здесь возьмет, да и случится чудо…

Так я старался рассуждать наедине с собой, но сам в свои рассуждения не верил. Сумрак был сильнее всяких уговоров. Чем ближе к адресу, тем душевное ненастье становилось гуще. И в унисон к нему летний день беспросветно затянулся сизой облачностью, ветер припадочно метался по чужому городу – странно было думать, что он когда-то был родным. Ничего родного в нем не было, хотя город как город, как множество наших городов.

Улица оказалась окраинная, одноэтажная, под сенью огромных старых тополей. Никого. Едва заметно тянуло печным дымком. Я шел, считая номера домов. Они убывали. Я шел по четной стороне. Ну…

Ну вот он, этот дом.

Я увидал его – и почему-то все мои тяготы враз отлетели. Словно сдуло их порывом ветра, прошумевшего в тополиных кронах и пропавшего без следа. Конец пути.

Конечно, я не ждал, что увижу вишневый сад и дом с мезонином. Но все-таки… Ветхий домишко с просевшей и позеленевшей от плесени шиферной крышей. Давно не мытые пыльные окошки. Подгнивший перекошенный забор. Неряшливые заросли за ним. Все это даже не говорило, а кричало об упадке и тоске.

Странно, что я успокоился. А хотя нет, не странно. Сбылось это плачевное убожество – значит, оно и должно было сбыться. Грустить не надо!

Я хотел было постучать в калитку – но стоило только ее коснуться, как она сама открылась, едва держась на ржавых гвоздях. Я шагнул во двор.

Бог мой, как здесь было запущено и неуютно!.. Грустить не надо – механически повторил я, и все-таки загрустил.

Не знаю, скрип калитки был тому причиной или нет, но на крыльцо вышла сильно потрепанная, неумытая и непричесанная женщина лет за шестьдесят. В уголке рта дымился окурок дешевой сигареты. Заметно было, что женщина тяжело, мутно похмельна.

- К кому? Чего нужно? – неласково просипела она.

Я молча смотрел на нее.

Удивительнее всего, что даже сквозь этот полуразрушенный облик угадывалось: когда-то она была красива – а вернее, колдовски, порочно привлекательна, веяло от нее флюидами острой, волнующей женственности, часто необъяснимой, но абсолютно ощутимой. А главное – в помятых сизых чертах с призраками былого очарования я увидел бесспорное сходство с моими.

Да. Это была моя родная мать. Глубоко затянувшись, она стряхнула пепел с сигареты и выдохнула дым длинной струей.

- Здравствуйте, - с трудом вымолвил я.

- И вам не хворать, - буркнула она. – Зачем пожаловали?

Как мне ответить на это? С чем я пожаловал?..

- Вы меня узнаете?

Она хмуро всмотрелась:

- Да нет. А что, виделись?

- Было дело.

- Ну и чего, теперь я всех помнить должна?

- Всех – нет. Но меня должны.

- Ишь ты! Должна… Ничего я никому не обязана.

Говорила она отрывисто, сварливо и шепеляво.

- Не обязаны, - согласился я. – Хотя вообще-то я ваш сын.

Тут в ее заплывших глазах промелькнуло… нет, не чувство. Лишь воспоминание.

- А-а… - хрипло протянула она. – И чего теперь? За наследством прибыл? Долю будешь требовать.

- Боже упаси. Мне… мне только хотелось знать, почему вы меня бросили?

Не знаю, зачем я так сказал. Мне уже совсем не хотелось этого знать.

Она вновь затянулась и выдохнула:

- А чего мне было от тебя ждать? Папаша твой алкаш, синяк был конченый. Чтоб ты таким же стал, на горбу тебя тащить? Ну уж нет! От каждого алкаша если приплод собирать, так никаких сил не хватит, ни денег.

- Он жив?

- Да знать не знаю, и знать не хочу. Если сдох, так туда и дорога…

- И вы всех детей так раскидали по белу свету?

- А тебе какое дело? – окрысилась она. Окурок полетел в траву. – Моя жизнь, как хочу, так живу.

- Да нет, - я пожал плечами. – Дела нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.